

Герменевтика перевода и понимание насилия

Концепт «насилие» странно вписывался и вписывается в общефилософский категориальный ряд. Проблема разрешается в обращении к понятию «сила», которое оказывается потерянным в современной философии. Исключение составляли работы, в которых мы находим «следы» этого понятия. Среди них оказываются работы Аристотеля, которые нуждаются в освобождении от модернизаторских толкований. Однако в переводах Аристотеля греческое *δύναμις*, используемое для традиционной передачи категории возможность, утратило коннотации силы (движения, способности, функции); в свою очередь, «сила» потеряла связь с «насилием» (*βία*) и «необходимостью». Насилие понимается как такого рода необходимость, которая связана с подавлением «собственного решения», свободы, нечто «препятствующее желанию» и противоречащее «здравому размышлению», а также отсутствие «блага». Насилие предстает не только в онтологическом смысле, но также экзистенциально, как обратное «блугу» и собственному «желанию». Сила остается в тени «необходимости» как «возможности», «потенциальной энергии» и «движения», а насилие теряет возникшую оппозицию в онтологическом модусе.

Ключевые слова: герменевтика, возможность, сила, мощь, действительность, действие, насилие, необходимость, принуждение, Аристотель, В. Розанов, И. Ильин, М. Хайдеггер.

Sergei Borisov, Victor Rimsky,

HERMENEUTICS OF TRANSLATION AND UNDERSTANDING OF VIOLENCE

The philosophical definition of violence today is «incomplete» and leaves a «gap» between the phenomenon and the concept. This is due to the fact that the concept of «violence» was/is strangely included in the general philosophical categorial line. In domestic and Western discourse, the problem field of violence contains, above all, political and ethical meanings. The problem is intuitively resolved in its appeal to the concept of «power», which turns out to be philosophically lost in modern philosophy. The exceptions are the works in which we find «traces» of this concept. Among them, there are the works of Aristotle which need to be freed from modern distorting interpretations. Thus, in the translations of Aristotle, the Greek *δύναμις*, used for the traditional transferring the category of possibility, lost its meaning of force (movement, ability, function); in its turn, «force» lost relation to «violence» (*βία*) and «necessity». Violence is understood as such a kind of necessity, which is associated with the suppression of the «own decision», freedom, something that «prevents desire» and contrary to «common thinking», as well as the absence of «good». Violence is presented not only in an ontological sense, but also existentially, as the opposite of «good» and of one's own «desire». The force remains in the shadow of «necessity» as «possibility», «potential energy» and «movement», and violence loses the opposition that has arisen in an ontological mode.

Key words: hermeneutics, possibility, force, power, reality, action, violence, necessity, coercion, Aristotle, V. Rozanov, I. Ilyin, M. Heidegger.

Первоначально к герменевтике текстов Аристотеля в существующих русских переводах мы обратились, пытаясь дать собственное понимание насилия в современном философском контексте в виду его категориальной неудовлетворительности. Философская категоризация предполагает первичное определение интерпретируемого явления, но существующие концептуальные формы оказались «недостаточными» и оставляли некий «зазор» между феноменом и понятием «насилие», порождая очевидную смысловую и понятийную неопределенность в осмыслении насилия.

Нам интуитивно было ясно, что существующие категориальные пары «человек — насилие», «насилие — бытие», «насилие — ненасилие» включены в историко-философский понятийный контекст, но не только в него, поскольку российский и мировой публичный дискурс рефлексии насилия оказался нагружен, прежде всего, политическими и этическими значениями: от политической апологии до этической критики насилия. В постсоветской философии, после некоторой девальвации всего «политического», «насилие» было понятийно связано с «ненасилием» и этической экспликацией этих концептов¹. В этом отношении показательна концепция насилия Гусейнова А.А., развиваемая в духе этики ненасилия, который совершенно справедливо связывал «насилие» и «ненасилие», с категорией «силы», отличая их². Положительным в его трактовке было присутствие, помимо концептов «насилие» и «ненасилие», понятия «сила» (в качестве маргинального), которое пребывало, к сожалению, в пространстве этических коннотаций. И оставалось непонятным: «насилие» и «сила» — это всегда «зло»?

Мы попытались оттолкнуться от смыслов родного, русского языка, но и здесь обнаружилось, что в обыденном словоупотреблении термин «насилие» большей частью содержит негативные смыслы, но не только их: «В “Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля” наряду с “насилием” есть также “насилить”, “насиловать”, “насиливать”, которые содержат следующие смыслы: принуждать, нудить к чему-либо силой, силовать, неволить. Есть также: *самоуправство*, *жизнь под гнетом*, *управлять* или *держат в подчинении силою* (насильством). Мы

¹ См. подборку публикаций «Этиология агрессивности и этика ненасилия» в журнале «Вопросы философии» № 3 за 1992 г. Нашу подробную критику этических концепций насилия см.: *Борисов С.Н., Римский В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // Дискурсы власти. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2015. С. 73—106.*

² *Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. №3. С. 79.*

упомянули только те смыслы, которые содержат некие *интуитивные философские коннотации*. Как видим, русский язык как “дом бытия” (М. Хайдеггер) содержит множество неявных смыслов, открывающих для нашей категоризации большое пространство³.

Применительно к английскому языку определенную смысловую работу проделала ранее Х. Арендт, которая писала: «Мне кажется довольно прискорбной характеристикой текущего состояния политологии то, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как “власть” (power), “мощь” (strength), “сила” (force), “авторитет” (authority) и, наконец, “насилие” (violence) — которые обозначают несовпадающие, различные феномены и в ином случае вряд ли существовали бы... Слово “сила” (force), которое в обыденной речи мы часто используем как синоним насилия — особенно насилия, служащего средством принуждения, — в терминологическом языке следует ограничить значением “силы природы” или “сила обстоятельств” (la force des choses), т. е. использовать исключительно для обозначения энергии, производимой физическими или социальными движениями...»⁴ Однако нас здесь смущало технологическое, инструментальное понимание насилия и его отождествление исключительно с властью. Мишель Фуко, при всей его захваченности «властью», различал «насилие» и «власть»⁵, связывая с насилием объективацию воздействия.

Интерпретация насилия в контексте концепта «сила» достаточно последовательно представлена Х. Хофмайстером, который отмечал связь насилия с силой: «Немецкое слово “насилие” (Gewalt)... подразумевает “обладание способностью распоряжаться”. Первоначально, то есть в древнегерманском языке, слово «насилие» не являлось правовым термином: оно использовалось в той области свободы, где не было места праву. Позднее “насилие” служило для перевода таких латинских понятий, как *violentia* (буйство, безудержность), *vis* (сила, мощь) и *potestas* (сила, потенциал, господство). Поскольку в Средние века слово *potestas* чаще всего переводилось немецким словом “власть”, “насилие” полу-

³ Борисов С.Н. Философское понимание насилия в контексте современного российского самосознания: диминирующие смыслы и неявные коннотации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия Социология Право». 2013. № 16 (159). Вып. 25. С. 10.

⁴ Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. С. 50, 52–54.

⁵ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 180.

чило усилительное значение *violentia*»⁶. Наряду с существующими в русском языке значениями этого слова, здесь появляются указания на мощь, а также *потенциал*. *Potestas* соединяет силу и потенцию (возможность), что важно, так как именно из этой категориальной связки открывается возможность для развертывания насилия в пространстве человеческого бытия.

Итак, мы попадаем в затруднение, так как интуитивно чувствуем родовую нагрузку понятия «сила», которая постоянно оказывается или маргинальным, или вообще *философски исключенным*. Новое обращение к русским лингвистическим тезаурусам показало, что в «Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля» поле смыслов и значений «силы» включает в себя и «насилие», а также содержит даже большее многообразие, чем в словаре братьев Grimm. Среди них многочисленные коннотации, связанные с «природными силами и причинами»; силой человека — *сила ума, воли, нравственная сила, мочь, могутя, способность*. И, что не менее важно, многие значения указывают на *онтологические аспекты* «силы».

В качестве родового понятия «сила» по отношению к «насилию» впервые четко обозначил И.А. Ильин в своей еще «ученической» статье «Понятия права и силы (Опыт методологического анализа)» (1910), в которой он дал определение понятию «сила», отличное от гегелевского⁷. И.А. Ильин указывал на онтологический статус силы *Kraft* в отличие от гносеологической трактовки *Macht*, опираясь на идеи Лейбница, Спинозы и Фихте⁸. *Онтологизм силы* как способности и возможности, т. е. *потенции*, у него явно восходил к Аристотелю.

Гегель в своих историко-философских лекциях писал, выделяя особое, фактически исходное место в аристотелевском дискурсе категорий *потенции* (динамис, способность, возможность, сила) и *энергии* (акт, реализация силы, деятельность, необходимость, целесообразность, действительность): «Далее мы должны указать *две главные формы*, которые Аристотель определяет как форму *возможности* (δύναμις) и форму *действительности* (ενέργεια); последнюю он еще точнее определяет как *энтелехию* (εντελέχεια)

⁶ *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006. С. 31–32.

⁷ Подробнее см.: *Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е.* Логические и философские смыслы полемики И.А. Ильина и Л.Н. Толстого // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Выпуск 4. С. 112–123.

⁸ См.: *Ильин И.А.* Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // *Ильин И.А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 12–14.

или свободную деятельность, которая имеет в себе цель (то *télos*) и есть реализация этой цели. Таковы те определения, которые встречаются у Аристотеля повсюду и в особенности в девятой книге «Метафизики» и с которыми следует познакомиться, чтобы получить возможность понимать его»⁹. Хотя Гегель далее и снижает герменевтическое напряжение концепта «динамис»: «У Аристотеля, следовательно, *δύναμις* вовсе не означает силы (сила есть скорее несовершенный образ формы), не означает также неопределенной возможности, а скорее способность; *ἐνέργεια* же есть чистая деятельность из самой себя. В продолжение всего Средневековья эти определения признавались важными»¹⁰. И.А. Ильин, критикуя гегелевское понимание «силы», как в ранней статье, так и в книге «О сопротивлении злу силою»¹¹, развивал собственные смыслы и значения силы и насилия, принуждения и непротравления и т. п.

Исследование феномена насилия в античной культуре и философии следует предварять пониманием того, что привычные значения многих понятий и концептов, используемых современными исследователями, сложились по меркам истории не так давно. Поскольку они оказывают влияние на восприятие и извлечение смысла, в отношении насилия также, это необходимо учитывать при анализе и интерпретации. В нашем случае следует определить культурные практики и проследить историю «идеи насилия» не столько с целью выявления их подлинного, собственно античного смысла, сколько для обозначения границы пространства смыслов самого феномена вне его культурно-исторической динамики.

Культурные практики регулирования «зоон», «голой жизни» человека в классическом античном полисе включали практики его интеграции в «биос», в «номотетическую» солидарную жизнь полиса, и они не исключали «политейных» форм насилия как свободно принятого легитимного насилия, равно как и властного управления жизнью «свободных многих». Все это как раз и предполагает появление нравственно-юридических и религиозно-нравственных публичных форм свободы и полисной солидарности, «практик солидарности», как условия личностных «практик себя» о которых писал М. Фуко. Впервые в классической античности изобретаются и утверждаются основные принципы противопо-

⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб.: Наука, 1994. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 227.

¹¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 31–220.

ставления легитимного насилия «практикам себя», ненасилия в столкновении с всеобщим в «лице» государства и зарождающимся правовым насилием, что сохраняет свою культурную и познавательную ценность поныне. Не абстрактное «ненасилие», а легитимные практики силы укрощают незаконное насилие.

Символическим событием, оказавшим огромное влияние на античное осмысление насилия и ненасилия в жизни человека и полиса была казнь Сократа, который не только стал персонафицированным архетипом и образом античной мысли (нуса), совести и свободы, но одновременно и «сакральной фигурой насилия», наряду с Иисусом Христом, в истории западной культуры и философии. Как это было принято в «правовой практике» полиса, Сократ мог избежать смерти, склонив суд к изгнанию: «Не присудить ли себя к изгнанию? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите» (Апология Сократа. 37 с-d)¹². Однако он выбирает смерть и отвергает изгнание. Почему? Потому, что для свободного гражданина полиса изгнание означало не просто утрату какой-то «отчизны» или «родины» (мужские и женские определения полиса, что так беспокоило М. Хайдеггера); не просто обретение статуса метека, не имеющего прав в «чужом полисе»; и даже не возвращение в «простую жизнь», борющегося за выживание в одиночку; а превращение в *homo sacer* (Дж. Агамбен), которого нельзя принести в жертву, но любой мог просто убить. Именно так воспринимал свое возможное «изгнание» Сократ, который никуда не отлучался от своей «родины», не покидал «отчизны», предпочитая постоянно налетать из частной жизни в «политейную жизнь» (общественную), досажая афинянам, как овод, и призывая их вернуться к «заботе о себе» (Апология Сократа. 30 b, 30 e, 36 e-d).

Герменевтика текстов античных философов позволяет сделать вывод: «насилие» и «принуждение», равно как близкие им по смыслу категории и образы, часто используются в качестве синонимов, как аксиологически, так и онтологически. Практически отсутствующий концепт «ненасилие», достаточно близок к феномену античной «свободы». Конечно, в этом случае необходимы специальные процедуры перевода и интерпретации, которые позволили бы уйти от модернизации античных смыслов, но это уже возможно только в отдельном исследовании.

Философия Аристотеля дает нам весьма много философско-онтологического понимания и теоретического разрешения про-

¹² Платон. Апология Сократа // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 81–112.

творечия насилия и ненасилия. Аристотелю мы обязаны тем, что он первым в античной философии обратился к категории «силы» в качестве «родовой» как по отношению к «насилию», так и к «ненасилию». Этот момент был фактически упущен как классиками, так и современными авторами. Ответ на вопрос почему, кроется в самой жизни античного человека, в которой этико-правовые и политейные практики впервые выступают в качестве эффективной силы, регулирующей насилие и утверждающей ненасилие в солидарной жизни «свободных многих».

Именно таким образом в притяжении герменевтики насилия и ненасилия, насилия и силы у нас и оказался Аристотель, вернее, русские переводы и интерпретации Аристотеля.

Начнем фактически с первого «русского Аристотеля», вернее, с русского прочтения Аристотеля, в которое внес свой вклад молодой В.В. Розанов после издания своего трактата «О понимании», до сих пор не признанного герменевтическим и не оцененного по достоинству. В письме к Н.Н. Страхову В.В. Розанов пишет: «Вот уже года 2, присматриваясь к разным сочинениям <...>, я все больше и больше приходил к убеждению, пожалуй, к догадке, что корень дела, ключ к разрешению множества вопросов, которые для меня — или разрешить, или не жить, лежит у Аристотеля»¹³. Н.Н. Страхов в переписке несколько скептически отнесся к русской актуальности и злободневности Аристотеля, хотя розановский перевод воспринял в качестве некоторого культурного акта, оказав помощь в его публикации. И тем не менее уже в примечании 1913 г. к письму Н.Н. Страхова, как бы продолжая спор, В.В. Розанов отмечает: «И до сих пор я думаю, что Аристотель — никем не заменим»¹⁴.

Здесь же содержится весьма примечательное мнение В.В. Розанова о месте «динамис» и «энергии» в категориальном ряду Аристотеля: «...понятия δύναμις и ενέργεια в своих латинских терминах *potentia* и *actus* (я только *actus* не очень понимаю; в своем сочинении я всегда говорил о потенц. и действительности; верно он соответствует у меня “образующемуся существованию”, но мы до этого в “Мет.” не дошли) служат ключом к понимаю самых сложных и глубоких систем философии. В них, как в таинственных символах, выражена целая система мысли и стало понятно то-то

¹³ Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 153.

¹⁴ Там же. С. 9.

и то-то (главное — изменение)...»¹⁵ И в следующем письме о своем переводе и интерпретации Аристотеля продолжает свою мысль: «Я хочу ознакомиться с ним для того, чтобы ознакомиться с его понятиями *о потенциальности* (это самое главное), которые он первый ввел в философию и уже, вероятно, хорошо разработал»¹⁶. И в предисловии к публикации перевода «Метафизики» В.В. Розанов писал: «Удивительное дело: по прошествии двух тысячелетий, которые отделяют нас от времени его жизни, наука волнуется понятием, как недавно приобретенным и, конечно, более научно обставленным, но которое, однако, впервые было открыто Аристотелем: мы разумеем понятие о физической энергии, которое заменяет теперь так долго господствовавшее понятие силы и впервые было установлено Аристотелем в бессмертных терминах *δύναμις* и *ἐνέργεια*, возможность и действительность, напряжение и действие»¹⁷. Никто до сих пор по-настоящему не оценил эту розановскую герменевтику «Метафизики» Аристотеля, хотя она очень важна, в том числе для актуального понимания античных смыслов феномена насилия.

Поэтому нас удивили новые переводы Аристотеля, которые сводят флективность древнегреческого языка, в этом родственному с русским и немецким, к примитивной модернизаторской аналитичности. Так, к примеру, А.В. Марков вполне сознательно не просто ограничивает смыслы аристотелевских *δύναμις* и *ἐνέργεια*, но просто перевирает их, как и другие категории: «Поэтому пусть читатель не удивляется, что я часто перевожу “логос” как “формула” (и редко “пропорция”, у Кубицкого часто “определение”), “атом” как “особь”, “генезис” как “производство”, “искусство” несколько раз поясняю как “готовку”, “энергия” перевожу только как “действительность” и вслед за поэтами и прозаиками русского XX века предпочитаю слово “существование” слову “сущность”»¹⁸. Закономерно, что марковский перевод Аристотелевой «Метафизики» получил справедливую критику специалистов¹⁹. Стараясь актуализировать словарь Аристотеля и якобы сохра-

¹⁵ *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. С. 154.

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ *Первов П.Д., Розанов В.В.* Предисловие переводчиков // *Аристотель. Метафизика. Перевод с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. Комментарий В.В. Розанова.* М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 25.

¹⁸ *Марков А.В.* Предисловие // *Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А.В. Маркова.* М.: Рипол-Классик, 2018. С. 8.

¹⁹ См.: *Юнусов А.Т.* «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // *Историко-философский ежегодник.* 2018. Т. 33. С. 361–385.

няя одновременно его идентичность, будто бы приближая его к языкам «Мандельштама и Пастернака, Платонова и Набокова», А.В. Марков не ведает, что невозможно соединить новаторский набоковский или авангардный пастернаковский язык с сознательно архаизированным стилем Платонова или Мандельштама. Как и трудно соединить актуализацию аристотелевского языка с восстановлением его архаичных первоначальных смыслов.

Об актуализирующем прочтении Аристотеля с одновременным восстановлением первоначальной идентичности — только позже В.В. Розанова почти на тридцать пять лет! — будет говорить и писать М. Хайдеггер. Хайдеггер «роман с Аристотелем» начался рано: еще в пору его обучения на теологическом факультете. Но именно в лекциях на философском факультете он призвал студентов обернуться к Аристотелю из современности и вернуться к древним смыслам его концептов, что не означало, однако, некоей модернизации античной философии. Означало, скорее, архаизацию современной (актуальной) философии, поиски — через восстановление изначальных смыслов — специфического философского языка, утраченного философией модерна и переводческой модернизацией. И тогда он переводит *dύναμις*, значащее в современном немецком *Vermögen*, *Kraft*, *Fähigkeit* (сила, способность, возможность), как *das bestimmte Verfügungkönnen über; Bereitschaft zu...* (определенная способность-распоряжаться; готовность-к...) ²⁰. Можно сколько угодно удивляться причудливости хайдеггеровых переводов, но он при этом решал мистификаторские задачи по конструированию своего адекватного философского языка через прочтение тезауруса философии античности, но уж никак не навязывал словарю древних модернизаторские значения или авангардистские переводы.

Нет, мы удивляемся другому: как греческое *dύναμις*, используемое для традиционной передачи аристотелевской трактовки категории *возможность*, утратило коннотации *силы* (движения, способности, функции); в свою очередь, «сила» потеряла связь с «насилием» (*bia*) и «необходимостью». Обращение к категоризации насилия и силы у Аристотеля, мы считаем, следует начинать с прочтения его трактата «Физика» ²¹, где мы находим такую первич-

²⁰ См.: Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. С. 210 и др.; Артеменко Н.А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». СПб.: Гуманитарная Академия, 2012.

²¹ Аристотель. Физика / Пер. В.П. Карпова // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.

ную категориальную диспозицию и связь δύναμις как *силы* с *движением*. Обращение к трактатам «О небе» и «Метафизика»²² позволяет расширить аристотелевские коннотации δύναμις не только как «возможности», но и «силы», а в интерпретации ἐνέργεια уйти от ее понимания в качестве лишь «действительности», связав и с «действием», и с «необходимостью», и с «насилием». При этом нам не мешают якобы «устаревшие» русские переводы.

В трактате «О небе» Аристотель, критикуя пифагорейскую «струнную теорию», пишет: «Если же движется такое количество столь огромных тел, а проникающая способность и сила звука прямо пропорциональны движущейся величине, то он должен и доходить сюда, и обладать невообразимой *сокрушительной силой* (выделено нами. — *Авт.*). Однако мы и не слышим его, и не видим, чтобы тела подвергались какому-нибудь *насильственному воздействию* (выделено нами. — *Авт.*), и не трудно объяснить почему: потому что никакого звука нет» (О небе. II, 9, 291a, 2–7). И далее делает вывод, что ни одна из «звезд» «не движется ни как животное, ни *насильственно*, “*по принуждению*” (выделено нами. — *Авт.*; О небе. II, 9, 291a, 2–7; II, 14, 296 b, 25–30). Сила и насилие здесь проговариваются в неразрывной связи с «природностью» или, по-русски, «естественностью», а также «необходимостью».

Но какие значения содержат указанные «насилие» и «насильственное движение»? Обратимся к более полному изложению естественности: «То, что всем простым телам по необходимости должно быть присуще некоторое *естественное движение*, ясно из следующего. То, что они движутся, очевидно. Поэтому если они обладают не своим собственным движением, то должны *двигаться насильственно*, а “насильственно” означает то же, что “*противоестественно*” (выделено нами. — *Авт.*). Но если им присуще противоестественное движение, то должно быть присуще и естественное, “против” которого — противоестественное... Кроме того, это ясно из покоя, ибо покоиться [тела] также должны *либо насильственно, либо естественно* (выделено нами. — *Авт.*). Насильственно они покоятся там, куда и движутся насильственно, естественно — там, куда естественно. Между тем очевидно, что некое тело покоится в центре. Стало быть, если оно покоится естественно,

²² *Аристотель. О небе* / Пер. А.В. Лебедева // *Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981; Аристотель. Метафизика* / Пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. Комм. В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006; *Аристотель. Метафизика* / Пер. с греч. А.В. Кубицкого, ред. М.И. Иткина // *Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981.*

то ясно, что и движение сюда для него естественно; но если [оно покоится] насильственно, то что препятствует его движению? Если [препятствует] нечто находящееся в состоянии покоя, то мы повторим то же самое рассуждение: либо мы придем к чему-то последнему, что *покоится естественным образом* (это Бог. — *Авт.*), либо получим прогресс в бесконечность, что невозможно... Ничего невозможного не происходит, а пройти бесконечное из конца в конец невозможно. Поэтому *движущееся по необходимости* должно где-то остановиться и оставаться там *не насильственно, а естественно*» (выделено нами. — *Авт.*)» (О небе. II, 14, 300а, 20–30; 300б, 5–7). Но русское «естественное» несет смыслы «существования», «бытия», «того, что *есть*», соответственно, «противоестественное» обратное — «то, что *не-есть*», не-существующее, что явно выводит нас на негативные атрибуты насилия, на его принадлежность не-сущему, *небытию, уничтожению*.

В этом смысле противоестественность снова связывается с действием, некой активностью или движением, характер которого раскрывается при прочтении и интерпретации «Метафизики»: «Необходимым называется [1] [а] то, без содействия чего невозможно жить... Насилие и принуждение, а таково то, что мешает и препятствует в чем-либо вопреки желанию и собственному решению. В самом деле, насилие называется необходимостью... И принуждение также есть некоторого рода необходимость... И верно полагают, что *необходимость неумолима* (как Рок. — *Авт.*), ибо она идет наперекор движению, происходящему по собственному решению и по здравому размышлению... В самом деле, *необходимостью в смысле насилия* (выделено нами. — *Авт.*) называют действие или претерпевание, когда из-за принуждающего невозможно поступать по собственному желанию, полагая, что необходимость и есть то, из-за чего нельзя поступать иначе... И таким же точно образом — в отношении причин, содействующих жизни и благу: когда без того или другого невозможны в одном случае благо, в другом — жизнь и существование, тогда это признается необходимым, и такая причина есть некоторого рода необходимость» (Метафизика. V, 5, 1015а, 20–34; 1015б, 1–8).

Насилие понимается здесь как такого рода необходимость, которая связана с подавлением свободы («собственного решения»), нечто «препятствующее желанию» («реализации собственной воли») и противоречащее «здравому размышлению», а также отсутствие «блага». Насилие предстает не только как «необходимость» в онтологическом смысле, но также экзистенциально, как обратное

«благу» и собственному «желанию». А «необходимость» выступает как роковое и неотвратимое, как богиня Судьбы или сама Судьба. Далее Аристотель (Книга V, глава 12) рассматривает «претерпевание» в связи со «способностью» или «возможностью» (*dynamis*), как «нехватку», «лишенность» и отсутствие «способности». Непонятно, почему здесь переводчик предпочел перевести *dynamis* как «возможность», а не как «сила»? Сила остается в тени «необходимости» как «возможности», «потенциальной энергии» и «движения», а насилие теряет возникшую оппозицию в модусе онтологическом.

Обратимся к V главе «Метафизики» в переводе П.Д. Первова и В.В. Розанова и сравним. И здесь мы увидим смыслы, уже выявленные нами ранее. «Так вот, — читаем мы в этой главе, — способное кажется таковым иногда потому, что у него *что-то есть* (выделено нами как имеющее отношение к бытию; — *Авт.*), иногда потому, что оно чего-то лишено; а если *лишенность* есть в некотором смысле *обладание* (выделено нами. — *Авт.*), то все способно к чему-то благодаря обладанию чем-то, так что нечто способно и потому, что оно обладает некоторым свойством и началом, и потому, что обладает лишенностью его, если только можно обладать лишенностью; иначе “способное” будет [в данном случае] иметь двоякий смысл. В ином значении нечто называется способным потому, что ни другое, ни оно само, поскольку оно другое, не имеет разрушительной для него силы или *разрушительного начала* (выделено нами. — *Авт.*). Далее, все это называется способным или только потому, что может произойти или не произойти, или же потому, что может то и другое успешно... *Неспособность* же — это *лишенность способности* и *отрицание* такого начала (выделено нами. — *Авт.*), о котором было сказано, — лишенность и отрицание их или вообще, или у того, чему естественно их иметь, или тогда, когда уже естественно было бы их иметь» (Метафизика. V, 12, 1019 b, 5–20). Употребляемые «разрушительная сила», «лишенность способности»²³, «отрицание» снова оказываются близкими с «насилием» как тем, что несет *не/сущее, небытие* и *гибель*. Снова есть некое «*не-бытие*», бытие минус нечто, но нет силы как характеристики бытия, необходимого даже не второго, а первого в этой категориальной паре силы — насилия.

²³ Не лучше ли переводить как «импотенция», близкое по смыслу ἀδυναμία? Не надо бояться сексуальных современных коннотаций, столь близких античным смыслам: ведь для древних мир был живым существом, обладающим и потенцией, возможностью и способностью, и импотенцией, лишенностью, неспособностью и импотенцией. Не оказывается ли греческая «импотенция» родственной с нашим «ненасилием»?

Эти смыслы и необходимость «силы» при переходе от «возможности» к «действительности» возникают и далее (Метафизика. Книга IX, глава 1). Сам Аристотель отсылает к ним (Метафизика. V, 12), но переводчик опять упорно не употребляет слово «сила», хотя Стагирит пишет: «В другом месте мы уже разбирали, что “возможность”, или “способность”, и “мочь” имеет различные значения» (Метафизика. IX, 1, 1046 a, 5). Тогда как «мочь» («мощь») по-русски и есть «сила» («возмочь» и «превозмочь» — перейти к действительности). При таком прочтении, подразумевании под мощью более «сильной» категории силы, становится очевидна диалектика силы и насилия, раскрывающаяся через оппозиции не/способности — способности; не/силия — силы — на/силия.

Как итог, у Аристотеля мы можем найти полный спектр смыслов, среди которых категория *dynamis* может пониматься как *сила*, и далее она связана с категориями *возможности* и *необходимости*, *естественности* и *противоестественности*. При этом *сила* располагается на «стороне» *естественности*, а *насилие* (*bia*) — *противоестественности*. Они выступают как две *равновозможные* стороны бытия, оставляя за последним значения нужды, при-нуждения, искажения естественного.

Безусловно, «русское прочтение» Аристотеля необходимо дополнить новыми переводами и актуализирующими интерпретациями, аналогичными тому, что сделал в свое время В.В. Розанов, а в двадцатые годы прошлого века Хайдеггер, если это возможно... Как и ретроспективным анализом греческого текста через привлечение современного тезауруса, «облака» актуальных сегодня смыслов, текстов и авторов. Так, вновь ставший популярным сегодня В. Беньямин своим концептом «божественного насилия» ставит вопрос: есть ли в Аристотелевой игре сил и возможностей нечто, что не включает в себя насилие и является абсолютно «ненасильным»?

И ему отвечает Аристотель: «Итак, для одних вещей причина их необходимости — что-то иное, для других никакой такой причины нет, но благодаря им существует по необходимости иное. Так что необходимое в первичном и собственном смысле — это простое; с ним дело не может обстоять по-разному, а значит, то так, то иначе, — в таком случае дело бы обстояло по-разному. Если поэтому существуют нечто *вечное* и *неподвижное* (Бог. — *Авт.*), в нем нет ничего *насильственного* или *противного его естеству*» (выделено нами. — *Авт.*)» (Метафизика. V, 5, 1015b, 9–15). Бог есть «простое», «только сила», «первосила» и «первопричина», не подверженная

насилию: «И жизнь поистине присуща ему, ибо деятельность ума — это жизнь, а бог есть деятельность; и деятельность его, какова она сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь. Мы говорим поэтому, что бог есть вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть бог» (Метафизика. XII, 7, 1072b, 25–30). Бог как подлинное сущее является абсолютным не/насилием. Остается один шаг до Вальтера Беньямина²⁴ с его «божественным насилием».

Литература

- Арендт Х.* О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
- Артеменко Н.А.* Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». СПб.: Гуманитарная Академия, 2012.
- Аристотель.* Метафизика / Пер. с греч. А.В. Кубицкого, ред. М.И. Иткина // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981.
- Аристотель.* Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Перова и В.В. Розанова. Комм. В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- Аристотель.* Метафизика / Пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А.В. Маркова. М.: Рипол-Классик, 2018.
- Аристотель.* О небе / Пер. А.В. Лебедева // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 263–378.
- Аристотель.* Физика / Пер. В.П. Карпова // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 60–262.
- Беньямин В.* К критике насилия // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 65–99.
- Борисов С.Н., Римский В.П.* Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // *Дискурсы власти.* Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2015. С. 73–106.
- Борисов С.Н.* Философское понимание насилия в контексте современного российского самосознания: диминирующие смыслы и неявные коннотации // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия Социология Право».* 2013. № 16 (159). Вып. 25 С. 5–15.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб.: Наука, 1994.
- Гусейнов А.А.* Этика ненасилия // *Вопросы философии.* 1992. №3. С. 72–81.
- Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Ильин И.А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 31–220.
- Ильин И.А.* Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // *Ильин И.А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 12–14.
- Марков А.В.* Предисловие // *Аристотель.* Метафизика / Пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А.В. Маркова. М.: Рипол-классик, 2018. С. 5–13.

²⁴ *Беньямин В.* К критике насилия // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 65–99.

Первов П.Д., Розанов В.В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. Комментарий В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 19–25.

Платон. Апология Сократа // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 81–112.

Римский В.П., Римская О.Н., Мюльгаупт К.Е. Культурно-историческая генеалогия насилия и ненасилия // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. Выпуск 1 (29).

Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006.

Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. СПб.: Гуманитарная академия, 2012.

Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006.

Юнусов А.Т. «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 361–385.